

Так старший сын хана, уступив просьбам отца, повел своих людей на помощь Силян и вступил в войну.

Однако это подкрепление не смогло остановить падение Силяна.

После того как Цзи Цзиньжун перед самым отъездом воодушевил войска, боевой дух солдат был на подъеме. Прибыв на западную границу, они увидели народ в лохмотьях, повсюду слышались стоны и плач, а воины гарнизона щеголяли в изорванных доспехах со сломанным оружием. Сердца солдат Великой Ци наполнились яростью — им хотелось разорвать силянцев на куски!

Чжэньнань-вану не пришлось ничего говорить: его воины уже точили мечи, готовясь разнести Силян в пух и прах. Тюркское подкрепление подросло как раз в тот день, когда Чжэньнань-ван собирался взять столицу Силяна.

Узнав, что к нему пришел старший сын хана, Чжэньнань-ван почувствовал огромное облегчение и отправил посланника, чтобы подговорить того напасть на Силян вместе. Старший сын хана подсчитал: по сравнению с той мелочью, что предлагал Силян, захват столицы был куда выгоднее!

В итоге, силянские послы не успели порадоваться и двух дней, как старший сын хана отрубил им головы. Чжэньнань-ван великодушно уступил союзнику все сокровища столицы, заявив, что ему достаточно лишь пустого города.

Старший сын хана с восторгом разграбил все, что можно, заодно прихватив с собой множество силянских красавиц. По сравнению с ними, воины Чжэньнань-вана вели себя как истинные благородные мужи: они не грабили имущество, не похищали женщин и даже защищали народ от тюркской резни!

Старший сын хана был доволен.

Чжэньнань-ван тоже был доволен.

Месть за разоренный дом и отобранных жен — всё это старший сын хана отважно взвалил на свои плечи!

Им оставалось лишь мирно принять власть над Силяном, а заодно получить в свое распоряжение огромную армию, питавшую к тюркам лютую ненависть!

Подумать только, скоро его Величество сможет отведать деликатесов из степей.

Чжэньнань-ван оставил половину Лагеря Черной Конницы, приказав им как можно скорее взять управление Силяном в свои руки и промыть мозги местным жителям: Великая Ци — это прекрасно, Великая Ци — это чудесно, Великая Ци — это выше всяких похвал, а вот тюрки —

жестокие и подлые злодеи. Нужно было срочно поднять уровень лояльности к Великой Ци и градус ненависти к тюркам!

Чжэньнань-ван, прихватив с собой несколько упитанных быков и ослов, корзины с круглыми ароматными мандаринами и множество других продуктов, торжественно отправился в обратный путь.

Похолодало. Самое время поесть с его Величеством горячего супа.

Как только пришла зима, ударили холода.

Цзи Цзиньжун боялся морозов, его руки и ноги вечно леденели, и в обычные дни он, не стесняясь, кутался в ручную грелку.

За эти три месяца придворные составили совершенно новое мнение о своем государе. Император оказался изнеженным: он требовал лучшей еды и лучших вещей, и, хотя это нельзя было назвать чрезмерной роскошью, он был крайне привередлив. С тех пор как Чжэньнань-ван отправился на запад, весь императорский дворец каждый день стоял на ушах, хлопоча вокруг Цзи Цзиньжуна.

И все же, несмотря на прихоти Цзи Цзиньжуна, обстановка при дворе с каждым днем менялась к лучшему.

В тот день, когда Чжэньнань-ван должен был вернуться в столицу, придворные, вспомнив, как Цзи Цзиньжун лично провожал его, замерли в ожидании. Всем хотелось увидеть, что же на самом деле происходит между новым императором и Чжэньнань-ваном.

Чжэньнань-ван вернулся с триумфом, ведя за собой половину Лагеря Черной Конницы.

Он направился напрямик во дворец.

По сравнению с тем временем, когда он уезжал, охрана стала гораздо строже. Увидев его, гвардейцы у ворот все равно преградили путь и, дрожа от страха, потребовали, чтобы Чжэньнань-ван сдал свой меч и другое оружие.

Чжэньнань-ван не рассердился, напротив, на его лице промелькнуло довольство. Он охотно избавился от всего, чем мог бы нанести вред, приказал своим людям из Лагеря Черной Конницы послушно пройти проверку, а сам верхом на коне помчался во Дворец Чжэньян.

Цзи Цзиньжун как раз слушал наставления великого наставника. Услышав стук копыт

снаружи, он восторженно воскликнул и сказал:

— Наставник, на сегодня закончим.

Слух у наставника был уже не тот, что у Цзи Цзиньжуна, и он остался недоволен. Многие суждения государя казались ему крайне свежими и интересными. Если бы Цзи Цзиньжун не был правящим императором, он непременно сделал бы его своим единственным учеником и передал бы все свои знания!

Хотя сейчас это было почти так же.

Наставник нахмурился:

— Ваше Величество, вы одарены от природы, но в учебе нельзя проявлять небрежность.

Он только собрался поучительно продолжить, как евнух доложил:

— Ваше Величество, Чжэньнань-ван просит аудиенции!

Наставник тут же сменил тон:

— Ваше Величество, позвольте старому слуге откланяться.

Цзи Цзиньжун улыбнулся.

Он лично проводил наставника до дверей и увидел Чжэньнань-вана, стоявшего у входа в зал. Хотя западная граница не была столь суровой, как север, приятным местом ее тоже не назовешь, и на лице Чжэньнань-вана прибавилось следов от ветров и невзгод.

Впрочем, для мужчины это лишь добавляло зрелой привлекательности.

Цзи Цзиньжун вдруг поймал себя на мысли, что не может вспомнить лицо Вэй Тинцзюня.

В его памяти Вэй Тинцзюнь навсегда остался тем полувзрослым юношей.

По мере того как Вэй Тинцзюнь вырос, сам Цзи Цзиньжун слабел: он все чаще впадал в забывчивость, и, приходя в себя, зачастую видел лишь спину Вэй Тинцзюня, стоящего снаружи.

Он не помнил, какого роста стал Вэй Тинцзюнь, сколько шрамов покрыло его тело, что скрывалось во взгляде, устремленном на него.

В те времена он влачил жалкое существование, не зная, доживет ли до следующего дня, —

куда уж было думать о чем-то еще.

Цзи Цзиньжун слегка улыбнулся Чжэньнань-вану:

— Вернулся.

Глядя на эту улыбку, Чжэньнань-ван почувствовал, как сердце сладко сжалось, словно его пронзило чем-то острым. Он думал, что по возвращении его встретят обнаженные клинки.

Чжэньнань-ван опустил на одно колено и под порывами северного ветра поклонился:

— Да, Ваше Величество, я вернулся.

Цзи Цзиньжун спустился по ступеням и помог ему подняться. Почувствовав, что ладони государя слегка холодны, Чжэньнань-ван невольно накрыл их своими руками. Цзи Цзиньжун не стал сопротивляться, напротив, он с готовностью использовал теплые ладони вана как грелку.

Они вошли в кабинет, где уже весело пылал уголь в жаровне. Хэ Тай, следивший, чтобы в комнате было тепло, поспешно отступил в сторону, чтобы заварить чай.

— Хороший чай, — заметил Цзи Цзиньжун.

Этот чай Чжэньнань-ван привез с юга. Может, он и не был самым лучшим, но все же лучше того, что пил Цзи Цзиньжун раньше. Главное, при заваривании настой становился прозрачно-красным, и в белоснежной чашечке выглядел особенно красиво. Без имбиря, соли и перца он согревал изнутри.

Цзи Цзиньжун выпил чашку, почувствовал, как разливается тепло, и, радостно прищурившись, сказал:

— Мне очень нравится.

— Раз нравится — хорошо, — Чжэньнань-ван улыбнулся. — Люди в южных портах знают толк в торговле. Раз Ваше Величество довольны, скоро они привезут еще. А к празднику Цинмин я велю доставить новый чай. Его нужно пить именно так, без соли и имбиря: настой получается изумрудным, а аромат — тонким и долгим. Вашему Величеству наверняка понравится.

— Этому... ты раньше не умел, — заметил Цзи Цзиньжун.

— Я и сейчас лишь слегка коснулся этого искусства, — ответил Чжэньнань-ван. — Истинные знатоки тщательно подбирают воду к чаю и чашки к сорту. — Он пристально посмотрел на Цзи Цзиньжуна. — Раньше я не придавал этому значения, но, узнав, что смогу увидеть Ваше Величество, начал обращать внимание. Жаль, времени было мало, я не успел во всем

разобраться. Да и там, на юге, все уже приходило в упадок, многие знания были утрачены.

Если бы кто-то другой услышал это, он бы не понял, о чем говорит ван, но Цзи Цзиньжун все прекрасно понимал. Все, что умел Чжэньнань-ван, не принадлежало этому миру, похожему на Великую Чжоу, а относилось к тому миру, который Чжэньнань-ван когда-то разрушил.

И не сказать, что он был мятежником — скорее, этот мир сам нуждался в таком человеке. Не глядя на кровное родство и преемственность династий, смена власти — это не всегда плохо, по крайней мере, для народа.

Это Цзи Цзиньжун понял, лежа на смертном одре.

Тогда он тоже думал выбрать достойного наследника из числа членов императорского рода, но, глядя на фигуру, стоявшую за пределами зала, его вдруг осенило: зачем оставлять без дела такого способного и влиятельного человека, как Вэй Тинцзюнь, и выбирать кота в мешке из числа родственников? Только потому, что в них течет императорская кровь?

Но ведь в первом императоре тоже текла эта кровь, а чем все закончилось? Страна чуть не погибла!

Так ли важно, какая у тебя фамилия и чья кровь течет в жилах? Если есть готовый кандидат, вроде Вэй Тинцзюня, который обладает талантом правителя и печется о народе, почему бы ему не стать императором?

Тогда Цзи Цзиньжуну эта мысль показалась идеальной.

Вэй Тинцзюнь станет императором, сможет жениться на возлюбленной и прожить с ней счастливую жизнь. А Великая Чжоу будет процветать под его властью, и неважно, кого он выберет наследником — Вэй Тинцзюнь никогда не позволит ей исчезнуть.

Только тогда он не догадывался, кто была та самая возлюбленная.

И не подозревал, что после его смерти Вэй Тинцзюнь готов будет перевернуть небо и землю, лишь бы вернуть его к жизни.

Цзи Цзиньжун отогнал воспоминания и, блеснув глазами, посмотрел на Чжэньнань-вана:

— Ты писал в письме, что вернешься и мы будем есть горячий суп.

— Я уже велел все подготовить, продукты прошли проверку стражи, — Чжэньнань-ван поднялся, и они вместе направились в столовую.

Для супа использовали новый медный котел на углях. Вода уже кипела, пузырьась и распространяя аромат.

Ингредиенты были именно теми, о которых мечтал Цзи Цзиньжун: части говядины! Большая часть мяса была нарезана тонкими ломтиками — жир и мясо распределены идеально, готовиться должно было мгновенно. Вырезку отобрали особо тщательно: она была нежно-розовой и маняще поблескивала.

Цзи Цзиньжун увидел еще и желтоватые ломтики, похожие на жир. Он удивился:

— Что это?

— Это говяжий жир с сердца, — ответил Чжэньнань-ван. Он бросил часть в кипящий бульон, и через мгновение выловил готовый кусочек. После варки желтый жир стал белоснежным и источал невероятный аромат. — Ваше Величество, хотите попробовать?

— Хочу! — не раздумывая, выпалил Цзи Цзиньжун. Он отправил кусочек в рот: жир оказался нежным и хрустящим, а во рту разлилось тепло, окутывающее все тело. Это было невероятно вкусно!

Глаза Цзи Цзиньжуна засияли еще ярче.

Заметив это, Чжэньнань-ван просиял. Он переложил остатки в чашку Цзи Цзиньжуна, а себе бросил в котел целую гору мяса. Когда Цзи Цзиньжун закончил, его порция тоже была готова.

Под предвкушающим взглядом Цзи Цзиньжуна Чжэньнань-ван переложил все себе в чашку:

— Это пленка вокруг говяжьего сердца, она состоит из чистого жира. Много есть вредно, Ваше Величество, лучше съешьте чего-нибудь другого.

Цзи Цзиньжун: «...»

Превратив обиду в аппетит, Цзи Цзиньжун принялся за вырезку.

Чжэньнань-ван добавил грибов и овощей, сварил их и пододвинул тарелку к Цзи Цзиньжуну:

— Это тоже неплохо, зимой их нелегко вырастить. — Он посмотрел на страдальческое лицо Цзи Цзиньжуна и безжалостно разрушил его надежды избежать овощей: — Ваше Величество, вам нужно их съесть.

Цзи Цзиньжун: «...»

Этот парень ни капли не изменился!

Теперь, когда Цзи Цзиньжун выздоровел, он не мыслил трапезы без мяса и терпеть не мог овощи, которые раньше приходилось есть через силу. Под пристальным взглядом Чжэньнань-вана он отправил в рот кусочек гриба.

Выглядел он красиво, как маленький белый зонтик. На вкус — нежный, сочный и очень аппетитный.

— Надо же, вкусно! — радостно воскликнул Цзи Цзиньжун.

— Этого можете есть сколько угодно, Ваше Величество, — сказал Чжэньнань-ван.

Цзи Цзиньжун, разумеется, не стал скромничать.

От одного вида всех этих деликатесов он уже почувствовал сытость. С сожалением посмотрев на остатки, он сказал:

— Больше не могу.

Чжэньнань-ван остался доволен его благоразумием.

Он без колебаний пододвинул остатки к себе и в одиночку расправился со всем, чем привел Цзи Цзиньжуна в изумление.

— Я трачу много сил, ем больше других, — пояснил Чжэньнань-ван. — Если вы больше не можете, выпейте чаю.

Цзи Цзиньжун взял чашку, поданную Хэ Таем, и, потягивая чай, искоса наблюдал за тем, как Чжэньнань-ван с аппетитом ест.

Если бы он тогда внимательно посмотрел на Вэй Тинцзюня, то наверняка заметил бы сходство. Точно так же, как черты лица, которые он носил сейчас, напоминали его самого.

Только он никогда не смотрел на Вэй Тинцзюня прямо, как и на Чжэньнань-вана, поэтому и не узнал его. Если бы Чжэньнань-ван сам не раскрылся, он, возможно, до сих пор ломал бы голову, где скрывается эта «могущественная сущность».

В отличие от него, Чжэньнань-ван узнал его с первого взгляда.

Цзи Цзиньжун допил чай. Чжэньнань-ван отложил палочки.

— Пойдем прогуляемся, — сказал Цзи Цзиньжун.

Снаружи уже сгустились сумерки. В небе висел тонкий серп луны, разливая мягкое сияние.

Они гуляли под луной. Такого спокойствия и безмятежности раньше не было.

В те времена, когда при дворе плелись интриги, Цзи Цзиньжун отправил Вэй Тинцзюня на границу, чтобы уберечь от бед. Вэй Тинцзюнь поначалу не хотел уезжать, но потом пришло известие о смерти его брата, и он, глотая слезы, покинул столицу.

Тогда Цзи Цзиньжун держался из последних сил, измученный болезнью, лишь для того, чтобы не тянуть за собой гарнизон. Он не знал, что каждое его движение было под прицелом старого наставника и других, которые, когда клика предателей замышляла погубить принцев и поставить марионетку, тайно подтолкнули его, и он неожиданно взошел на трон.

Оглядываясь назад, понимаешь, что это не было случайностью.

Его старший брат-наследник был невеждой, и старый наставник, который должен был учить его, занимался с Цзи Цзиньжуном, так как тот не мог бегать и играть с остальными братьями. С тех пор наставник стал к нему особенно строг, требуя даже больше, чем от наследника.

Наверное, уже тогда у наставника были свои планы.

Именно с тех пор Цзи Цзиньжун постепенно взвалил на себя то, чего никогда не хотел нести. Для человека, чья жизнь была на исходе, это было слишком тяжкое бремя.

К счастью, у него были верные друзья, преданные государству сановники и «Генерал-защитник Государства», вернувшийся с границы, — благодаря им он не так сильно тревожился, даже когда балансировал на краю могилы.

И все же, из-за постоянных дум здоровье его день ото дня становилось все хуже.

У Цзи Цзиньжуна оставалось немало сожалений. Они с Чжэньнань-ваном обошли императорский сад и подошли к павильону для стрельбы из лука. Хэ Тай велел зажечь фонари, и площадка озарилась, как днем.

Цзи Цзиньжун обернулся к Чжэньнань-вану. Слегка улыбнувшись, он сказал:

— Я упражнялся три месяца, посмотри.

— Хорошо, — ответил Чжэньнань-ван.

Хэ Тай подвел к Цзи Цзиньжуну гнедого коня. Чжэньнань-ван подошел, чтобы помочь ему взобраться в седло.

Цзи Цзиньжун остался недоволен:

— Когда подрасту, буду садиться сам.

Это тело было еще слишком маленьким, а из-за того, что раньше он недоедал, выглядел младше сверстников. Мало того, что он был ниже Чжэньнань-вана на голову, так еще и в седло приходилось садиться с чужой помощью!

Чжэньнань-ван рассмеялся:

— Ваше Величество скоро вырастет.

Цзи Цзиньжун чувствовал, что тот насмехается над ним! Он фыркнул:

— Не стоит меня недооценивать.

Взгляд Чжэньнань-вана был прикован к нему:

— Я не недооцениваю Ваше Величество. Я больше всех на свете хочу, чтобы вы поскорее выросли.

От этого жгучего взгляда у Цзи Цзиньжуна вспыхнули уши.

Этот парень говорит загадками! Не думай, что я не понимаю! Когда я видел все эти дворцовые безобразия, этот тип еще был необтесанным камнем!

Цзи Цзиньжун, сидя в седле, некоторое время смотрел на Чжэньнань-вана, а потом вдруг позвал:

— Камень.

Чжэньнань-ван замер, его ладонь, лежавшая на седле, едва заметно дрогнула. Подавив внутреннюю дрожь, он ответил:

— Я здесь.

— Я могу стрелять из лука, — сказал Цзи Цзиньжун.

Мочь сесть на коня, натянуть тетиву, попробовать все, что хочется, и отправиться туда, куда пожелаешь — нет на свете счастья большего!

Чжэньнань-ван, глядя в улыбающиеся глаза Цзи Цзиньжуна, почувствовал, как сердце сжалось от боли.

В этом мире никто не знал, какую жизнь вел Цзи Цзиньжун. Когда тот был без сознания, ему хотелось выбросить все указы, которые подписывал государь — какое дело Цзи Цзиньжуну до народа! Какое дело до страны! С какой стати он должен был надрываться ради них!

Жизнь Цзи Цзиньжуна и так была на исходе!

Кто-то говорил, что он расчетлив и хитер, но ведь за девятнадцать лет жизни был ли хоть один день, когда он жил для себя? Даже зная, что дни сочтены, он не предавался страданиям или страху, а методично готовил преемника.

И он, Чжэньнань-ван, был тем, кого выбрал Цзи Цзиньжун.

После того как Цзи Цзиньжун скончался, те, кому он доверился, по очереди уговаривали его взойти на трон. Они говорили: если он не станет императором, душа Цзи Цзиньжуна не обретет покоя.

А он не хотел, чтобы Цзи Цзиньжун обретал покой!

Он не хотел, чтобы Цзи Цзиньжун навсегда исчез из этого мира!

Его Величество был еще таким маленьким. Слишком маленьким, чтобы увидеть, во что превратилась страна, о которой он так пекся.

Небеса несправедливы!

Раз Небеса несправедливы, он пойдет против них!

Теперь он добился своего. Его Величество сказал ему, что может стрелять из лука. Может ездить верхом. Может пробовать все, что хочет.

— Я буду смотреть, — сказал Чжэньнань-ван.

Цзи Цзиньжун на гнедом коне въехал на площадку. Мишени стояли в ста шагах.

Конь вошел в круг света фонарей. Лицо Цзи Цзиньжуна, освещенное ярким пламенем, выражало редкую серьезность.

Натянул тетиву, выпустил стрелу.

Снова натянул, снова выпустил.

Проехав полкруга, он увидел, что все десять стрел вонзились в яблочко.

Когда Цзи Цзиньжун говорил, что может стрелять, он имел в виду не просто умение натянуть лук. Чжэньнань-ван помог ему прочистить меридианы, его тело стало в тысячи раз гибче, а навыки верховой стрельбы за три месяца упорных тренировок достигли совершенства. Даже с живыми мишенями и тяжелым луком он справлялся без труда.

Чжэньнань-ван стоял на месте, молча наблюдая за фигурой в свете огней.

О такой жизни раньше они не могли и мечтать.

Когда Цзи Цзиньжун вернулся, проехав круг, Чжэньнань-ван протянул руки и снял его с седла.

Цзи Цзиньжун не стал сопротивляться.

Чжэньнань-ван прижал его к себе, ощущая, как приятно пахнет пот на его коже.

— Ваше Величество, я так счастлив, — прошептал он.

— Я тоже, — ответил Цзи Цзиньжун.

И, пожалуйста, больше не смотри на меня с такой грустью и тревогой.

Сердце Чжэньнань-вана бешено колотилось.

<http://bllate.org/book/22178/2310782>